

УДК 81'37
ББК 81.2-3

О.В. Золотоверхая

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В РУССКОМ ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена представлению мыслительной активности русскими пословицами середины XIX и начала XXI в. Провербиальная характеристика ментальной активности на обоих срезах количественно уступает описанию активности других видов. Пословицы обеих эпох признают национальной чертой русских мыслительную пассивность. Однако в XIX в. она не осознается как серьезный недостаток, а мыслительная активность не расценивается как решающее условие успешной жизни, в то время как в современных антипословицах последняя ценится высоко. В провербиальном пространстве XIX в. внимание сосредоточено на самой активности и внешних обстоятельствах, побуждающих к ней, а в современных антипословицах – на личностных и гендерных особенностях субъекта и на объекте приложения активности.

Ключевые слова: *пословица, антипословица, провербиальное пространство, активность.*

Золотоверхая Ольга Владимировна – аспирант кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 295-89-45; 8-988-530 64 82
E-mail: alix-avien@mail.ru

В современной психологии развития активность определяется, с одной стороны, как человеческая «способность изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями» [Петровский, Ярошевский, URL], а с другой – как научная «категория, отражающая асимметричность отношений между субъектом и объектом (средой)» [Психология развития, URL]. Как отмечают ученые, «активность субъекта проявляется в том, что он сам является источником изменений, как происходящих с ним, так и вызываемых им в объекте. Основные формы активности, рассматриваемые в психологии развития, – это деятельность и поведение субъекта, а также его общение с другими людьми. В последнем случае в качестве субъектов активности выступают оба общающихся индивида» [Там же].

Из приведенных дефиниций видно, что активность как обязательное условие жизни человека проявляется в трех аспектах: мыслительном (ментальном), вербальном и собственно деятельностном. Естественно, все эти виды активности осмысляются и оцениваются народным сознанием. Поскольку аксиологические суждения культурно-языковых сообществ фиксируются в провербиальном пространстве [Левин, с. 483 – 503.] языка, постольку представляется целесообразным и важным исследовать именно данное пространство как своеобразное зеркало представлений народа о

различных видах активности и их соотносительной ценности для человеческой жизни.

Цель данной статьи – в процессе сопоставительного анализа паремий («замкнутых устойчивых фраз (поговорок и пословиц), являющихся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [Савенкова, с. 3]) XIX и XXI вв. выявить основные характеристики мыслительной активности, отраженные в русском паремиологическом фонде, а также определить их аксиологическую весомость по отношению к вербальной и собственно деятельностной активности. Материалом исследования послужили 248 паремиологических единиц из сборника В.И. Даля [Даль] и 136 так называемых антипословиц (современных трансформов пословиц и их аналогов) из словаря Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко], в которых обнаруживается акцент а) на возможных проявлениях активности всех трех упомянутых видов как о возникающей, прогнозируемой или рекомендуемой реакции субъекта на сложившееся положение дел или б) на отсутствии активности в условиях, где она была бы целесообразна.

Поскольку человек стремится к существованию в комфортных условиях, его сознание сосредоточивается на факторах, мешающих гармоничности бытия. Вследствие того что из трех упомянутых видов активности субъекта наименьший очевидный ущерб окружающему миру (и в том числе социуму) наносит ментальная активность, не имеющая обязательной связи с каким-либо действием, она реже других видов активности становится объектом оценки в провербиальном пространстве и XIX, и XXI в. Правда, необходимо сделать одну оговорку: обращение к современным антипословицам сознательно не учитывало, что определенная часть паремий, бытовавших в XIX столетии, продолжает функционировать и сегодня, так как задачей анализа было выявление того сдвига в оценке ментальной активности, который возник в наши дни по сравнению со временем далевской публикации (таблица).

Отражение ментальной активности в паремиях XIX и XXI вв., абс. (%)

Анализируемый материал	Виды активности			Итого о различных видах активности
	Мыслительная	Вербальная	Деятельностная	
Паремии XIX в.	51, (20,6)	118, (47,6)	79, (31,8)	248, (100)
Антипословицы XXI в.	22, (16,2)	63, (46,3)	51, (37,5)	136, (100)
Всего	73 (19)	181 (47)	130 (34)	384 (100)

В паремиях XIX в. отношение к мыслительной активности двойственное. Она признается несомненной ценностью (*Кто думает, до чего-нибудь додумается*), однако отчетливо прослеживается убежденность в том, что к результативной деятельности такого рода способны немногие, ср.: *Люди думают, до чего-нибудь додумываются; а мы думаем, из раз-*

думья не выходим. Как можно заметить, в первой части этой поговорки субъект мыслительной активности номинируется существительным обобщающей семантики, ее объект не назван вообще, в соответствии с чем и результат оказывается неконкретизированным – он обозначен неопределенным местоимением с суффиксом *-нибудь*, привносящим в его значение сему безразличности, ср.: «Что-нибудь. ... Какой-нибудь предмет, явление и т.д. из ряда подобных или безразлично какой предмет, явление и т. д.» [Словарь..., с. 686].

Оценивая степень полезности мыслительной активности, паремии XIX в. подчеркивают, что, в своей массе неупорядоченная, не имеющая связи с реальностью, не поддерживаемая собственно деятельностной активностью, она не приносит плодов: *Много думается, мало сбывается; Много бредится /чудится, мало сбудется; Много думается, да не все то сбудется; Думаешь так, а выйдет инак/никак.* Активность ментальной деятельности подчеркивается в приведенных примерах употреблением глагола мысли в форме несовершенного вида, в большинстве случаев сочетающегося с лексемой *много*. Однако это слово, воспринимаемое современным носителем языка как реализатор обстоятельственной семантики, изначально могло быть формой среднего рода краткого прилагательного *мног*, занимавшей в данной паремии позицию подлежащего и выражавшей идею не разовой интенсивности, а множественности мыслей, разнообразия мечтаний (*Многое думается...*, т.е. человек думает о *многом*, а не *много*), не подкрепляемых переходом к деятельностной активности. Отсутствие результативности подобной мыслительной активности демонстрирует структура перечисленных паремий – сложносочиненные, либо бессоюзные предложения, может в целом не иметь под собой реальных оснований, на что указывают глаголы *бредится, чудится*; активность мыслительного процесса, направленная на отыскание путей результативной деятельности, бесполезна, так как все ценное уже выявлено раньше (*Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь*); оценка думающим субъектом реальности может быть ошибочной (*Нам думалось: завязли, ан с возом на двор; Думал купить корову, ан купил быка; Думала теща, пятерым не съест; а зять-то сел, да за присест и съел* и др.); 4) человеку не дано предугадать, как сложатся обстоятельства (*Думал сено косить, ан дождь; Думалось попить да попеть, ан плясать заставили; Думаешь, поймал – ан сам попался*), вернее всего, из-за того, что его жизнью руководит судьба (*Думай, не думай – тому же быть*).

Беспомощность аналитической ментальной деятельности имплицитно соотносится с ее низким качеством. Паремии свидетельствуют о том, что длительностью ментального процесса нельзя восполнить отсутствующую остроту ума или быстроту мышления, ср.: *Долго думать – тому же быть; Думал много, да вошь и поймал; Думай не думай, ума не прибудет; Не говорит – ум копит; а скажет – нечего слушать* и др. Как кажется, множественность примеров, подтверждающих сформулированный выше тезис, свидетельствует об убежденности народного созна-

ния в том, что неспособность к оперативному и результативному анализу обстоятельств – качество распространенное: *Мужик задним умом крепок*. Однако это явление не расценивается как недостаток. Паремии рекомендуют, не тратя время на анализ возможных вариантов поведения, останавливаться на том, который подсказывает интуиция (*Думать хорошо, а отгадать лучше того*), либо действовать наобум (*Чем думать, так делай!*). Более того, по длительности размышлений определяется характер человека: *Удалой долго не думает*. Именно при такой стратегии есть шанс на достижение успеха: *Недолго думано, да хорошо сказано; Недолго думал, да хорошо сделал*.

Ряд паремий напрямую отсылает к негативным последствиям интенсификации мыслительной деятельности: *Что больше думать, то хуже; Подумаешь умом – и головушка кругом; Раздумаешь умом, так волосы дыбом; Долгая дума – лишняя скорбь; Раздумье на грех наводит*. Не помогает даже попытка подключить постороннюю мыслительную активность, видимо, потому, что люди не нацелены на рациональное решение чужих проблем. Ироничную паремию *Двое – не то, что один: подумаем, да и лошадь продадим* В.И. Даль сопровождает комментарием: «насмешка над требованием посоветоваться с другими» [Даль]. Конечно, это не означает отрицательного отношения к наличию интеллекта как качества человека, ср. известную паремию *Ум хорошо, а два лучше*.

Регулятором мыслительной активности, как правило, являются обстоятельства, сформировавшиеся помимо воли субъекта (поэтому в некоторых паремиях глаголы мысли употребляются либо в безличной форме: *думается, бредится, чудится, думалось*, либо в форме страдательного причастия: *думано*) и вынуждающие его выбирать линию поведения: *У кого болят кости, тот не думает в гости; Холостой много думает, а женатый больше того; Чего не слышишь, о том и не думаешь*. Однако и тогда, когда аналитическое осмысление ситуации необходимо, мыслительной активности может препятствовать человеческая беспечность или самонадеянность: *Тому не гребтится (не думается)*, кто Бога не боится. С учетом этого пословицы стремятся побуждать индивида к мыслительной активности в ситуациях риска, возникшей или ожидаемой опасности: *Сидя на колесе, думай, что будешь под колесом; Отдумать старику ехать за реку: погода велика, утопит старика*.

Поскольку ментальная активность сочетается с другими ее видами, то необходимо проанализировать их взаимосвязь и соотносительную значимость в народном сознании.

Когда в паремиях идет речь о мыслительной активности, необходимой для последующего осуществления какого-либо действия, прежде всего подчеркивается, что создание замысла всегда труднее его воплощения: *Не трудно сделать, да трудно задумать*. Изречения указывают, что обдумывание должно предшествовать началу любого действия: *Сперва думай, а надумался, так делай; Сначала думай, а под конец делай!* Паремии говорят о необходимости видения перспективы деятельности, советуют субъекту продумывать не только начало действия, но и его за-

вершение: *Не думай, шука, как влезть; думай, как вылезть (из верши); Не думай, как бы взять, а думай, как бы отдать!* Особо говорится о таком критерии предварительных размышлений, как их качество: *Думай, да чтобы не передумывать; Думай так, чтоб сразу выдумать* и др. Прочитав в голове все возможные варианты, следует выбрать один, наиболее рациональный, и действовать, строго придерживаясь выбранной стратегии: *Не начавши думай, а начавши делай!*; *Думай двояко, а делай одинако!* В.И. Даль в скобках комментирует: «т. е. решайся, да не изменяй опять» [Даль]. Сформированность замысла требует незамедлительного осуществления: *Задумал бежать, так не лежать*. Замысел, не претворяемый в действительность, не ценен: *Думкою дурни богатеют*.

Мыслительную активность рекомендуется проявлять и перед речевой активностью: *Сперва подумай, а там и скажи!* «Притормаживание» вербальной активности позволяет субъекту мысли оценивать коммуникативную ситуацию и не озвучивать те результаты размышлений, знание которых может спровоцировать слушателей на реакцию, нежелательную для него: *Не всяку думку при людях думай!*; *Хорони думку в пазушке, не носи в люди!*; *Думают думу без шуму*. Если речевой активности не предшествовала ментальная, которая позволила бы спрогнозировать реакцию собеседников или окружающих на сформировавшуюся у субъекта мысли идею, мнение, то паремия советует ему промолчать: *Лучше не бай, глазами мигай, будто смыслить*.

В паремиях начала XXI в. характеристика мыслительной активности получает большую детализацию, чем в пословицах и поговорках XIX столетия. Здесь гораздо чаще конкретизируется характеристика субъекта, объекта и обстоятельств мыслительной активности.

Ментальная пассивность предстает как недостаток, ведущий к несамостоятельности субъекта (*Если двое всегда согласны между собой, значит, думает лишь один из них*), фактор, облегчающий подчинение одних другим: *В армии нельзя думать логически, там надо заучивать*.

Объектом мыслительной активности может стать характер или поведение других людей. Показательно, что на смену установке на толерантность по отношению к ближним, которая имела место в паремиях XIX в. (*Мир никем не судится, одним богом; Не суди других, не осудишься от них; Других не суди, на себя погляди!* и др.), приходит скептическое отношение к окружающим. Так, ироничная антипословица нашего времени не отрицает, что люди заслуживают осуждения, ср.: *Не думай дурно о всех ближних сразу. Думай по очереди*. Подчеркивается и узкая направленность ментальной активности, ее сосредоточенность на определенной цели, ср.: *Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, они о них думают, думают, думают...; Умный человек думает о чем-то своем, хитрый – о чем-то чужом*.

Современные паремии отмечают ценность мыслительной активности, важность аналитической деятельности, которая позволяет субъекту правильно сориентироваться в ситуации. Речевая активность в сопоставлении с ней, напротив, не приветствуется. Когда в паремиях речь идет о соотношении мыслительной и вербальной активности, предпочтение отдается первой: *Думай много, говори мало и ничего не пиши!* Це-

лесообразным признается скрывать свои мысли: *Говори, что думаешь, однако старайся убедать прежде, чем тебя поймут; Говорить можно все, а отвечать кто будет?; Когда говоришь, что думаешь, думай, что говоришь* и др. Такое положение вещей признается естественным: *Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли.*

Как можно видеть, перечисленные паремии не имеют гендерной окраски. В то же время появился и ряд антипословиц, касающихся мыслительной активности лиц женского пола. Эти изречения отмечают, что ментальная активность порождает демонстративную вербальную активность, которая позволяет вводить в заблуждение мужчин, ср.: *Если женщина называет мужчину самым умным, значит, она понимает, что второго такого дурака ей не найти; Если женщина сказала «Нет», то не торопитесь с выводами: это может означать «Да»* и др. Хотя скрыть результат ментальной активности удастся, по мнению антипословицы, не каждой женщине. Наблюдение за ее поведением может обнаружить истинные намерения особы, ср.: *Сказала «Нет» и головой кивнула.*

В целом наличие детализации в характеристике мыслительной активности говорит о более высокой степени осознания ее значимости для создания комфортных условий жизни. Однако, как и паремии XIX в. (*Русак умен, да задним умом; Русский назад умен*), антипословица преподносит неспособность к своевременной ментальной активности как национальную черту русских: *Англичанин мыслит сидя, француз стоя, американец прохаживаясь. Русский думает потом.*

Итак, паремии обеих эпох объединяет признание национальной чертой русских мыслительной пассивности. Однако в XIX в. это качество не осознается как серьезный недостаток, а мыслительная активность не расценивается как решающее условие успешного и комфортного бытия, тогда как в современности она ценится высоко. В проverbsиальном пространстве XIX в. внимание сосредоточено на активности как таковой и внешних обстоятельствах, вынуждающих к ней, а в сегодняшних антипословицах – на личностных и гендерных особенностях субъекта и на объекте приложения мыслительной активности.

Литература

- Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. М., 2008.
Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2000.
Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Избр. тр. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Активность_личности.
Психология развития : словарь / под. ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон : энциклопедический словарь : в 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2006. 176 с. URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Психология_развития.
Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д., 2002.
Словарь русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева : в 4 т. Т. 4. М., 1984.